

Концептуализация понятия «(страны) Глобального Юга»: диффузия повседневной речи, научной терминологии и специализированных дискурсов в призме лингвокультурологии

Алёна Дмитриевна Цыплакова

МГИМО МИД России, Москва, Россия

tsyplakova.a.d@my.mgimo.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8564-0696>

Аннотация. Выражение «(страны) Глобального Юга» сегодня всё чаще встречается не только в речевых практиках экономики и политики, медиа и публицистики, но также в научных работах и международно-правовом дискурсе. К числу этих стран обычно относят африканские и азиатские государства, однако их «списочный состав» продолжает оставаться предметом острых дискуссий. Особую актуальность заявляемая тема приобретает в условиях, когда Российская Федерация постепенно расширяет сотрудничество со странами этого кластера как в двустороннем, так и в многостороннем форматах. Необходимость уточнить значение данного понятия в нашем исследовании обусловлена стремлением минимизировать разночтения в международных документах. Соответственно, его цель — проследить основания культурной символизации процесса концептуализации понятия «(страны) Глобального Юга» в прежде всего в научном и широком общественно-политическом дискурсе, уделив особое внимание международным документам. Задачи исследования: рассмотреть особенности подходов к данному понятию в повседневной речи (прежде всего, литературе и медиа); международных (прежде всего, экономических и политических документах); установить его основные значения в призме актуальных дискурсов научных сообществ; критически проанализировать историческую разобщённость Глобального Юга в постколониальной оптике; оценить современное состояние и перспективы использования указанного термина в юриспруденции, выявив наиболее перспективное содержание данного понятия, концентрирующие различные подходы к его концепту и денотату. Основой исследования послужили исторические материалы, документы системы ООН и других международных объединений, а также научная литература, содержащая соответствующую терминологию. Исследование носит комплексный характер и опирается на компаративный подход. В нём использованы контент-анализ, SWOT-анализ, метод кейсов и метод экспертных оценок.

В результате систематизированы различные подходы к содержательному наполнению понятия «(страны) Глобального Юга», проведена классификация оснований выделения этой группы стран в научном и политическом дискурсах, предложена аргументация в пользу необходимости уточнения этого (в настоящее время слишком широкого и потому недостаточно определённого) понятия. Установлено, что данное понятие модифицируется как минимум с конца XIX в., когда были заложены политические основы существующих дифференциаций государств по оси «Глобальный Юг». При этом многие авторитетные учёные и практики по сей день опираются в этом вопросе преимущественно на экономические показатели. Определены возможности и границы отдельных теорий отнесения конкретных государств к кластеру «(страны) Глобального Юга». Несмотря на актуальный запрос более чёткого и однозначного определения данного концепта, в работе аргументирован вывод об отсутствии в настоящее время научных и практических возможностей, необходимых для выработки такого определения. На основании учёта социокультурного контекста и международных документов предложено сочетать методики отнесения государств к этому кластеру в зависимости от конкретных политических, экономических и социальных целей — как самих государств, так и тех, кто такое отнесение осуществляет.

Ключевые слова: Глобальный Юг, развивающиеся страны, третий мир, сотрудничество Юг-Юг, концептуализация понятия, дискурс

Для цитирования: Цыплакова А. Д. Концептуализация понятия «(страны) Глобального Юга»: диффузия повседневной речи, научной терминологии и специализированных дискурсов в призмe лингвокультурологии // Концепт: философия, религия, культура. — 2025. — Т. 9, № 2. — С. 116–134. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2025-2-34-116-134>

Review article

Conceptualization of the Global South: Diffusion of Daily Speech, Scientific Terminology and Specialized Discourses from the Perspective of Linguoculturology

Alyona D. Tsyplakova

MGIMO University, Moscow, Russia

tsyplakova.a.d@my.mgimo.ru <https://orcid.org/0000-0001-8564-0696>

Abstract. The expression “(countries of) the Global South” is increasingly popular today not only in the speech practices of economics, politics, media and journalism, but also in scientific works and international legal discourse. It usually implies African and Asian states, but their list is still a subject of heated debates. This topic is of particular relevance, since the Russian Federation has been gradually expanding its cooperation with the countries of this cluster both bilaterally and multilaterally. The need to clarify the meaning of this concept in our study is due to the desire to minimize discrepancies in international documents. Accordingly, it aims to trace the cultural symbolization of the concept of *the Global South* primarily in the scientific and broad socio-political discourse, paying specific attention to international legal documents. The objectives of the study are to examine the specific approaches to this concept in everyday speech (primarily literature and media); international documents (primarily economic and political); to establish its core meanings within the current discourses of scientific communities; to critically analyze the historical fragmentation of the Global South in the

post-colonial perspective; to assess the current state and prospects for the juristic use of the term, revealing the most promising approaches to its content in terms of concept and denotation. The study is based on historical materials, documents of the UN system and other international organizations, as well as scientific literature containing the relevant terminology. The study is comprehensive and relies on a comparative approach. Content analysis, SWOT-analysis, case study method, and the method of expert assessments were employed. As a result, various approaches to the content of the concept of *the Global South* have been systematized; the grounds for singling out this group of countries in scientific and political discourse have been classified; arguments for the need to clarify this, currently too broad and therefore insufficiently defined, concept have been proposed. It is established that this concept has been modified at least since the end of the 19th century, when the political foundations for the existing differentiation of states along *the Global South* axis were laid. Meanwhile, many authoritative scientists and practitioners still rely on economic indicators in this matter. The author defines the possibilities and limits of certain theories in attributing specific states to the category of *the Global South*. Despite the urgent demand for a clearer and more unambiguous definition of this concept, the paper argues that currently there are no scientific and practical opportunities necessary to develop such a definition. Based on the socio-cultural context and international documents, it is proposed to combine methods for classifying states into this cluster depending on specific political, economic and social goals both of the states themselves and of those who carry out such classification.

Keywords: Global South, developing countries, third world, South-South cooperation, conceptualization, discourse

For citation: Tsyplakova, A. D. (2025) 'Conceptualization of *the Global South*: Diffusion of Daily Speech, Scientific Terminology and Specialized Discourses from the Perspective of Linguoculturology', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 9(2), pp. 116–134. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2025-2-34-116-134>

Введение

Несмотря на то, что в научном и политическом дискурсе понятие «(страны) Глобального Юга» используется всё чаще, в настоящее время всё ещё нет единого или хотя бы единообразного подхода к определению его содержания. Приведём спектр близких по значению понятий, которые входят либо пересекаются с исследуемым.

Итак. Третий мир (англ. «third world»), периферия (англ. «periphery»), бедный мир (англ. «poor world»), неразвитый мир, менее развитый мир, незападный мир (англ. «non-Western world»), развивающийся мир (англ. «developing world»), остальной мир (англ. «the rest»), иные (англ. «other»), мир большинства / мировое большинство (англ. «global majority»), движение неприсоединения (англ. «Non-Aligned Movement»), группа 77 (англ. «G-77»), следующие 14 (англ. «Next 14»), третье измерение (англ.

«thirdspace»), Юг (англ. «South»), Глобальный Юг (англ. «Global South») — в научной литературе различных дисциплин можно найти много терминов для обозначения государств, противопоставляемых первому миру (англ. «First World»), Западу (англ. «the West»), развитым странам (англ. «developed countries» / «core»), богатым странам (англ. «rich countries»), меньшинству (англ. «minority world»), центру (англ. «center»), (Глобальному) Северу (англ. «North», «Global North») с учётом социально-экономической трансформации и формирующейся многополярности ввиду глобальных изменений [Яковенко, 2024].

Для раскрытия проблематики и восполнения острой необходимости в понятийной определённости имеет смысл проследить условия становления приведённых выше терминов и проанализировать их содержание. Наше исследование будет сосредоточено на понятии «(страны) Глобального Юга». Уточнение условий

его концептуализации в призме поиска культурных оснований соответствующей символизации позволит, на наш взгляд, обосновать возможности и границы его дальнейшего использования оценки в междисциплинарных исследованиях.

Методология. Методологическую основу комплексного исследования концептуализации понятия «(страны) Глобального Юга» составляет компаративный подход, который потребовал междисциплинарного синтеза в призме лингвокультурологии. Встречная диффузия повседневной речи, (публицистики, медиа, и т.д.), научных (экономика, социология, политология, юриспруденция) и специализированных (бизнес, политика, право) дискурсов проанализирована с помощью метода кейсов (конкретных ситуаций), использованы контент-анализ, SWOT-анализ и метод экспертных оценок. Контент-анализ был применён к содержанию юридических и иных документов, потребовавших количественных оценок.

История вопроса: от географических ассоциаций к экономическим теориям и политическим оценкам

Первый, второй, третий (а позже и четвёртый) «миры», выделенные в повседневном (язык медиа), специализированном (экономика, политика) и научном дискурсах, в настоящее время принято считать наследием холодной войны. Появление такого деления связывают с исторически сложившимся в языковых реалиях этого периода делением государств на капиталистический, либеральный, демократический и коммунистический «лагеря»¹. При этом, например, Союз Советских Социалистических Республик рассматривался

нередко как центр «второго» мира, а государства, оставшиеся вне идеологического противостояния, относили к странам «третьего мира».

Однако обращение к истории вопроса показывает, что термин возник значительно раньше: выражение «третий мир» встречается в литературных произведениях и журналистике как минимум XIX в. – начала XX в. Поначалу в 1892 г. В. И. Ламанский обозначает этим понятием Россию, противопоставляя её в качестве значимого агента международных отношений странам Европы и Азии². В 1922 г. сходным образом данный термин использовал в своих работах Мариан Здзеховский³.

Позднее к «третьему миру» (фр. «le tiers monde») стали относить совсем другое содержание. Это понятие использовалось по аналогии с «третьим сословием» (фр. «le tiers état») — как его понимали во времена Великой Французской революции 1789 г. А именно, французский демограф Альфред Сови в короткой статье 1952 г. под названием «Три мира, одна планета»⁴ (фр. «Trois mondes, une planète») трактовал «третий мир» как одновременно игнорируемый, эксплуатируемый и презираемый, при этом отличавшийся от других, но не определяя содержания первого или второго миров. И хотя авторство приведённой выше интерпретации «третьего мира» обычно приписывают Францу Фанону, Джорджу Баландиеру, Клоду Бурдету, сам А. Сови в 1982 г. подчёркивал, что именно он писал о данной концепции годом ранее [Solarz, 2012a].

В свою очередь, концепция «Юга» в качестве политэкономической категории была предложена итальянским марксистом Антонио Грамши в 1926 г. В эссе под названием «Южный вопрос» (итал. «La questione meridionale») [Gramsci, 1966] он исследовал

¹ Хотя традиционно речь идёт о сформировавшихся двух лагерях: социалистическом/коммунистическом и капиталистическом/западном, в научной литературе выделяются и иные классификации.

² Ламанский В. И. Три мира Азийско-Европейского материка. Санкт-Петербург: типо-хромолит. А. Траншель, 1892. 132 с.

³ Zdziechowski M. Europa, Rosja, Azja. Szkice polityczno-literackie. Wilnie: Stowarzyszenia Nauczycielstwa Polskiego, 1923. 334 s.

⁴ Sauvy A. Note sur l'origine de l'expression par 'Tiers Monde' Alfred Sauvy // L'Observateur. 1952. 14 août (n°118). P. 14. URL: <http://www.homme-moderne.org/societe/demo/sauvy/3mondes.html>

трудности, с которыми столкнулись крестьяне итальянского юга и рабочие итальянского севера при попытках создания совместного политического объединения. А. Грамши обосновал идею, согласно которой эти трудности — результат того, что южная Италия была экономически и политически колонизирована капиталистами северной Италии. Отметим, что в итальянской (и не только) социальной мысли большинство исследователей более позднего периода использовали модель такого противопоставления исключительно в экономическом ключе, — например, при выведении методов «дифференциации Север-Юг» (англ. «differential»). В то же время, данный подход невольно расширял сугубо географическое словоупотребление «вширь» и «вглубь», экстраполируя первоначальные географические отсылки не только на отдельное государство, но уже на группы стран. При этом основания соответствующих классификаций всё ещё носили расплывчатый характер.

В 1950-х и 1960-х гг. аргентинский экономист Рауль Пребиш популяризировал различие между «ядром» (англ. «core») и «периферией» (англ. «periphery») мировой экономики [Prebisch, 1981]. Борясь за реформу мировой торговой системы, он (вместе с другими критиками ортодоксальной экономики) анализировал проблему экономической отсталости, указывая на её экономико-географическое измерение. Одновременно в политическом дискурсе развивающихся стран (в основном бывших колоний) начала формулироваться идея «Юга», интересы которого противостоят интересам промышленно развитых держав и навязываемой ими модернистской теории.

Параллельно американский неомарксист, социологи и политолог Иммануил Валлерстайн предложил «мир-системный подход» (англ. «world-system approach») —

как попытку установить взаимное переплетение географии, экономики и политики [Wallerstein, 1974]. К слову, подобные идеи достаточно долго циркулировали и в (нео)марксистской экономике; позднее их «постколониальный» поворот сложился в литературных и культурологических исследованиях Эдварда Саида, Гаятри Спивака и др. [Said, 1978; Spivak, 1994; Dados, Connell, 2012].

Тема севера, в очередной раз поднятая как раз Валлерстайном, получила своё продолжение в трудах представителей экспертного сообщества. Так, в 1980 г. был издан доклад под названием «Север — Юг: программа выживания» международной экспертной комиссией под эгидой ООН, работавшей в период 1977–1979 гг.⁵ В 1983 г. был издан второй доклад под названием «Всеобщий кризис. Север — Юг: сотрудничество ради оздоровления», ныне известный как доклад В. Брандта (бывшего канцлера ФРГ)⁶. Линия «Север — Юг» проводилась авторами этих документов из расчёта ВВП на душу населения. Большинство бедных стран с географической точки зрения действительно располагались к югу от 30 градусов северной широты. Правда, некоторые государства (например, Австралия и Новая Зеландия) уже на тот момент были очевидным исключением из такой классификации, однако эта новая трактовка понятия «Юг» была с энтузиазмом воспринята представителями научного сообщества, политиками и журналистами [Solarz, 2012b].

Стоит подчеркнуть, что экономическая помощь на уровне государств и международных организаций традиционно осуществлялась по линии «Север — Юг». Ещё до доклада Брандта в 1974 г. Генеральной ассамблеей ООН были приняты Декларация об установлении нового международного экономического порядка и Программа действий по установлению нового

⁵ Brandt W. North-South: A Programme for Survival / W. Brandt; Independent Commission on International Development Issues. London: Pan, 1980. 304 p. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000039496.locale=ru>

⁶ Brandt W. Common crisis North-South: co-operation for world recovery / W. Brandt; Independent Commission on International Development Issues. London: Pan, 1983. 174 p. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000053490.locale=ru>

международного экономического порядка, нашедшие своё отражение также в преамбуле Декларации о праве на развитие 1986 г. В 1978 г. в Буэнос-Айресе прошла первая Конференция ООН по техническому сотрудничеству между развивающимися странами, которая была учреждена на основании Кувейтской Декларации 1977 г. и на которой был принят соответствующий План действий по развитию и осуществлению технического сотрудничества между развивающимися странами (38 рекомендаций). Отметим, в нём используется следующая терминология: наименее развитые страны (англ. «least developed»), не имеющие выхода к морю (англ. «landlocked»), развивающиеся островные (англ. «island developing»), наиболее серьёзно затронутые/пострадавшие⁷ (англ. «most seriously affected») государства.

Первая версия обобщения «Юга» как глобального явления появляется в документах Бандунгской конференции 1955 г. и Движения неприсоединения, которые вводят в обиход идею «южной» солидарности. Такая позиция тесно связана с противостоянием колониальной системе со стороны ранее колонизированных стран. В более общем плане его связывают со странами, которые развивались на периферии международной системы. Опираясь на ценности, сформированные в рамках трёхконтинентального движения и восстания сапатистов, а также идеи Всемирного социального форума, новое понимание «(страны) Глобального Юга» становится тесно связанным с постколониальными — и всё чаще и деколониальными — проектами, ориентированными на теоретическое искоренение (при фактическом сохранении) расового неравенства и системного доминирования стран Запада по всему миру [Haug, Braveboy-Wagner, Maihold, 2021].

Первое упоминание непосредственно термина «Глобальный Юг» датируется, по мнению некоторых учёных, 1996 г.

[Растольцев, 2018]. Однако можно найти и более ранние исследования, содержащие в своём названии данное понятие [Korany, 1994]. По этой причине в качестве отправной точки, на наш взгляд, стоит выбрать первую половину 1990-х гг. — после 10-ого саммита Конференции глав государств или правительств Движения неприсоединения (Джакарта, 01–06.09.1992), когда стало очевидно, что позиция неприсоединения — нечто большее, чем просто двуполярность и конфликт Запада и Востока [Korany, 1976; 1986] как разнородных культурных общностей. При этом сам факт добавления слова «глобальный» можно считать отходом от чисто экономически-географических показателей: «(страны) Глобального Юга» начинают интерпретироваться в более сложной системе координат, привязанной не только (а иногда и не столько) к уровню экономического развития.

Ограниченность экономических интерпретаций

Доклад Южной комиссии, сформированной в рамках Движения неприсоединения (впоследствии, в 1995 г. она была заменена межправительственной организацией — Южным центром), вышел в свет ещё в 1990 г. и именовался «Вызов Югу». В состав указанной комиссии вошли независимые высокопоставленные эксперты из Танзании, Индии, Египта, Кувейта, Бразилии, Мозамбика, Филиппин, Шри Ланки, Аргентины, Ямайки, Зимбабве, Уругвая, Нигерии, Мексики, Югославии, Венесуэлы, КНР, Гуавы, Кубы, Пакистана, Малайзии, Сенегала, Алжира, Западного Самоа, Индонезии и Кот-д'Ивуара.

В этот период опора исключительно на экономические показатели при попытках описания мира как разделённого на экономико-политико-географические кластеры породила понятие «новых индустриальных стран». Оно фиксирует установление в ряде стран переходных

⁷ В данном случае речь шла о последствиях от материальных остатков войн, в том числе мин, однако в настоящее время это понятие используется и в контексте изменений климата, гуманитарных и/или миграционных кризисов.

экономик и к настоящему времени остаётся доминирующим как в непосредственно бизнес-дискурсе, так и в научных изысканиях (прежде всего, экономических).

Появление этого понятия, на наш взгляд, отражает прежде всего культурно обусловленную реакцию различных сообществ, связанную с ростом влияния практики политкорректности, перешедшей из сферы обсуждения «правильных коммуникативных стратегий в поликультурном мире» в область обязательных требований к речи журналистов, учёных, бизнесменов и политиков. Согласимся, что термин «третий мир» может восприниматься в различных культурных контекстах как имеющее пренебрежительный и даже уничижительный оттенок.

Впрочем, есть, как следует из анализа литературы представителей стран Глобального Юга, ещё и «четвёртый мир». Это понятие охватывает племена беженцев / лиц без гражданства и наименее развитые страны (англ. «least developed countries») и фактически способствует ещё большей дифференциации [Rigg, 2007], которую можно интерпретировать не просто как констатацию наличия различий, но утверждение и закрепление принципиальной *разделённости* мира на более успешных и менее успешных. В тех же материалах иногда можно встретить интерпретацию «четвёртого» и даже «пятого» мира в качестве подкатегорий «третьего мира»: «страны третьего мира» — те, кто находится на пути к богатству и «развитию» (e.g., Малайзия, АНДР); «четвёртого» — те, кто только борется за принадлежность к этому пути, но при этом имеет определённый потенциал, чтобы встать на него (например, Кения); «страны пятого мира» — безнадежно погрязшие в вечной бедности и неспособные выбраться из неё самостоятельно⁸.

Однако, по нашему мнению, полагаться исключительно на экономические показатели при оценке общего потенциала каких бы то ни было стран довольно проблематично. В частности, по номиналу крупнейшие экономики мира относятся как раз к «Глобальному Югу» (в их числе КНР, Индия, Бразилия). По паритету покупательской способности к этому кластеру принадлежит Индонезия. КСА, ОАЭ и ряд других арабских государств — тоже «Глобальный Юг» — являются передовыми в части индексов развития человеческого потенциала и кибербезопасности. При этом по размеру ВВП в отдельных случаях все перечисленные страны значительно обходят государства «Глобального Севера», хотя и считаются традиционно «развивающимися» странами. Более того, ряд европейских стран, в частности Болгария, Македония, Албания, находятся далеко не на лидирующих позициях, хотя и относятся к «Северу»⁹.

В этой связи сошлёмся на мнение ряда исследователей, которые подчёркивают: хотя экономическое неравенство лежит в основе деления на «глобальные» Север и Юг, картографическая привязанность условна и не предопределяет разграничение. Т. Фридман указывает на перспективу, характеризующую разницу между «выигравшими» и «проигравшими» в рамках глобального капитализма [Friedman, 2005]. Это, как назвал бы географ Эдвард В. Соджа, лишь первое (материалистическое) пространство [Borch, 2002]. Тем самым проводится мысль о наличии оценочности в самом принципе деления на «Глобальный Юг» и противостоящий ему «Глобальный Север», что оставляет в стороне многие реальные тенденции развития и навязывает «Югу» некую исходную «неполноценность».

⁸ Eriksen T. H. What's Wrong with the Global North and the Global South? // Concepts of the Global South – Voices from around the world / Global South Studies Center, University of Cologne., 2015. No 1. P. 3-4. URL: https://kups.ub.uni-koeln.de/6399/1/voices012015_concepts_of_the_global_south.pdf

⁹ Human Development Report 2016: Human Development for Everyone / UN Development Program. URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/2016humandevlopmentreportpdf1pdf.pdf>

Таким образом призма лингвокультуры позволяет проследить, как в процессе концептуализации понятия «(страны) Глобального Юга» развёртывается аксиологическая амбивалентность экстраполяции исходного географического деления на более широкие контексты [Смирнов, 2012; 2001]. Сначала экономическая, а затем и политическая составляющие этого понятия в некоторых интерпретациях обретают своеобразный оценочный потенциал, переводящий дискурс с противостояния колониализму, эксплуатации и связанному с ними экономическому неравенству — в плоскость утверждения почти что непреодолимости такого неравенства в силу неких исходных характеристик (если не совсем географических, то по крайней мере культурных, понимания культуры как интегральную характеристику социальных общностей).

Проблематика рецепции понятия «(страны) Глобального Юга» научным сообществом

Понятие «(страны) Глобального Юга» к настоящему времени прочно вошло не только в обиход журналистики, протоколы решений экономических форумов или политические декларации, но и пополнило эвристический багаж науки. При этом данный термин «часто используется, но редко объясняется» [Kornprobst, Seen, 2016]. И даже по мнению апологетов его использования, оно акцентирует «правила игры», обеспечивающие более-менее релевантной научной терминологией способы страновой дифференциации, группирующие «людей или явления, которые имеют схожие особенности», — однако *что именно определяет* эти «схожие особенности» часто остаётся неуточнённым [Taylor, 2014; Wagner, 2017].

В настоящее время в научном сообществе сохраняется старый, и в то же время набирает силу новый подход к теме «Глобального Юга». Динамику изменений здесь помогает проследить обращение к наименованиям некоторых научных журналов. В их числе — «Ежеквартальник третьего мира» (англ. «Third World Quartely»); с 2007 г. выпускается научный журнал «Глобальный Юг» (англ. «Global South»); а в 2015 г. «Журнал исследований третьего мира» (англ. «Journal of Third World Studies») переименован в «Журнал исследований Глобального Юга» (англ. «Journal of Global South Studies»).

За период 1996–2014 гг. было опубликовано 1204 исследования, содержащих упоминание Глобального Юга, индексируемых на уровне «Scopus» в сфере социальных и гуманитарных наук (англ. «Social Sciences & Humanities»). Резкий рост числа таких изданий был отмечен в период 2004–2013 гг. В то же время стоит оговориться, что в значительной мере авторы подобных работ чаще всего были ассоциированы с учреждениями из США (364), Великобритании (284), Канады (133), ЮАР (92), Австралии (58) и ФРГ (45). Под «Глобальным Югом» они обычно понимают Азию, Африку и Латинскую Америку (лишь в одном случае Ближний Восток); под Глобальным Севером — Европу, Северную Америку (иногда Японию, ЕС, страны ОЭСР, Запад)¹⁰.

В научном сообществе и образовательной среде проблематика «Глобального Юга» часто заявляет о себе в названиях исследовательских структур: Глобальный центр исследований при Кёльнском университете, Исследовательский центр Глобального юга, исследовательская группа Глобального Юга при Королевском колледже в Лондоне, проекты «Китай-Глобальный Юг», «Центр развития Глобальный Юг-Юг», «Исследование и преподавание

¹⁰ The Use of the Concept 'Global South' in Social Science & Humanities in Symposium 'Globaler Süden / H. Pagel, K. Ranke, F. Hempel, J. Köhler. Presented at the symposium "Globaler Süden / Global South: Kritische Perspektiven", Institut für Asien- & Afrikawissenschaften, Humboldt-Universität zu Berlin, July 11, 2014. URL: https://www.academia.edu/7917466/The_Use_of_the_Concept_Global_South_in_Social_Science_and_Humanities

Глобального Юга» в Мельбурнской школе дизайна, Отдел глобального Юга Лондонской школы экономики и политических наук, Саммит «Голос Глобального Юга» (проводится с 2021 г.) — примеры можно перечислять долго.

При этом стоит отметить обеспокоенность научного сообщества по поводу этого столь громко растиражированного «научного брэнда». Помимо того, что нет чётких критериев для определения принадлежности стран «Глобальному Югу», страдает репрезентативность авторов, занятых его исследованиями. В частности, наблюдателями отмечается доминирование закрепивших свои позиции европоцентристских, прозападных журналов и авторов; «лингвистический империализм», наряду с очевидным игнорированием неанглоязычного научного общества [Nossal, 2001; Jørgensen, 2000]. Независимые критики подчёркивают, что в качестве критериев определения соответствия исследовательских проектов необходимому научному уровню этим «урезанным» научным сообществом предлагаются так называемые «материальные измерения» (англ. «material dimensions»): геополитическое, географическое или экономическое положение страны, которую представляет тот или иной автор или научная структурная единица, — или же «соответствие» человеческих ресурсов (англ. «human dimension»), осуществляющих исследовательскую деятельность по критериям жизненный опыт, место проживания и социальное положение, соотносимые с предполагаемым типизированным (но до конца всё ещё не устоявшимся) представлением Глобального Юга. Однако в условиях анонимности и политики конфиденциальности далеко не всегда возможно провести полноценное исследование и оценить, насколько в исследованиях проблематики Глобального Юга слышны голоса авторов, представляющих этот самый Глобальный Юг [Forum: Navigating the Global... 2023].

**От концептуализации
к терминологизации
«Глобального Юга»:
юридические акценты
в уточнении (слишком) широких
лингвокультурологических
интерпретаций**

Определяя современное состояние и перспективы терминологического использования понятия «страны Глобального Юга», обратим внимание на возрастающие требования к его уточнению, которые связаны с международно-правовым характером соответствующих документов. С одной стороны, документы этого профиля и уровня не могут не учитывать культурную специфику Договаривающихся сторон, смысловые оттенки тех интерпретаций основополагающих понятий, которые вводятся в эти документы. С другой стороны, сама договорённость предполагает поиск некоторых компромиссных решений, определяющих базовые интерпретации и согласие (как минимум, государств-участников) по их поводу. Тем самым введение термина «(страны) Глобального Юга» в международно-правовой дискурс означает запрос на его уточнение, максимально возможное «срезание» двусмысленностей и уход от оценочности [Реккош, 2016; 2023]. По сути, это означает, что данное понятие претендует на переход от статуса достаточно широко понимаемого концепта в ранг строго научного термина.

Возможен ли такой переход? Чем и насколько он в настоящее время может быть обоснован? Не слишком ли оптимистичны прогнозы его терминологизации?

В поисках ответа на эти вопросы обратимся к международным документам, прежде всего — к документам Организации Объединённых Наций — и постараемся выделить не только логическое содержание (концепт) данного понятия, но и его денотат, то есть множество, которое именуется

этим понятием. Детальное исследование материалов ООН показывает, что чаще всего в документах рекомендательного и обязательного характера Организации Объединённых Наций можно встретить проект «сотрудничество (или кооперация) (стран) Юг-Юг» (англ. «South-South Cooperation»; далее — SSC). Например, в 2003 г. Генеральная Ассамблея ООН переименовала специальное подразделение для технического сотрудничества среди развивающихся стран в специальное подразделение по сотрудничеству Юг-Юг. Такое сотрудничество является частью Программы развития ООН (ПРООН), охватывая в первую очередь СНГ, арабские государства и Центральную Азию.

Исходя из положений Найробийского итогового документа Конференции высокого уровня Организации Объединённых Наций по сотрудничеству Юг-Юг 2010 г. и Рамок оперативных руководящих принципов Организации Объединённых Наций по поддержке сотрудничества Юг-Юг 2016 г., под сотрудничеством Юг-Юг понимается процесс, в рамках которого две (или более) развивающиеся страны решают свои индивидуальные и/или общие задачи по развитию национального потенциала путём обмена знаниями, навыками, ресурсами и техническим ноу-хау, а также посредством региональных и межрегиональных коллективных действий, включая партнёрства с участием правительств, региональных организаций, гражданского общества, научных кругов и частного сектора, к их индивидуальной и/или взаимной выгоде внутри регионов и между ними. Сотрудничество Юг-Юг и трёхстороннее взаимодействие (англ. «Triangular cooperation») не заменяет, а дополняет сотрудничество Север-Юг, становясь скорее

катализатором развития в получающих помощь государствах. Любопытно, что специализированные учреждения ООН по типу Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС)¹¹ в контексте характеристики упомянутого феномена используют термин «Глобальный Юг». Иногда SSC и Глобальный Юг используются как синонимы, так обстоит дело, в частности, в Справочнике «Инициативы Глобального Юга по борьбе с терроризмом и предотвращением насильственного экстремизма» 2022 г. (далее — Справочник КТУ ООН 2022 г.)¹².

В итоговом документе Конференции ООН высокого уровня по сотрудничеству Юг-Юг, состоявшейся в декабре 2009 г. в Найроби, все развивающиеся страны отнесены к категории стран Глобального Юга¹³, однако напрямую они не перечислены.

В 2018 г. Конференция ООН по торговле и развитию (далее — ЮНКТАД) выпустила Доклад «Прокладывая путь за пределы границ: Глобальный Юг» (англ. «Forging a Path Beyond Borders: The Global South»)¹⁴. В этом документе Глобальный Юг включает Африку, Латинскую Америку и Карибский бассейн, Азию (за исключением Государства Израиль, Государства Япония и Республики Корея) и Океанию (за исключением Австралийского Союза и Новой Зеландии).

Роль стран Глобального Юга (англ. «global South»)¹⁵ признана и в других значимых итоговых документах ООН. К ним относятся Стамбульская программа действий для наименее развитых стран на десятилетие 2011–2020 гг. (п. 12), Программа действий по ускоренному развитию малых островных развивающихся государств (Путь Самоа) 2014 г. (п. 99), Венская

¹¹ «Термин «сотрудничество Юг-Юг» используется для характеристики сотрудничества в целях развития между странами глобального Юга, относящимися к одной группе...». См. подробнее Сотрудничество Юг-Юг и трехстороннее сотрудничество в ВОИС // ВОИС. URL: https://www.wipo.int/cooperation/ru/south_south/

¹² Handbook: Global South Initiatives to Counter Terrorism and Prevent Violent Extremism // South-South Galaxy. URL: <https://southsouthgstg.wpenginepowered.com/wp-content/uploads/2022/05/Russian-Global-South-Initiatives.pdf>

¹³ Написание сохранено согласно документу.

¹⁴ Forging a Path Beyond Borders: The Global South // ЮНКТАД. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/osg2018d1_en.pdf

¹⁵ Написание сохранено согласно документу.

программа действий для развивающихся стран, не имеющих выхода к морю, на десятилетие 2014–2024 гг. (п. 16). Отметим, что в Докладе ЮНКТАД 2018 г., равно как и в упомянутых документах, речь скорее и чаще идёт о сотрудничестве Юг–Юг (англ. «South-South»). Они также содержат «старый» понятийный аппарат: развивающиеся страны и наименее развитые страны.

В предварительной повестке дня на 2025 г. ЮНКТАД также регулярно «мелькают» устаревшие понятия (например, «наименее развитые страны»); однако вместе с тем используются и более современные термины. В п. 2 под названием «Взаимозависимость и стратегии развития в глобализованном мире» указывается, что при (будущем) рассмотрении *Доклада о торговле и развитии за 2024 г.: переосмысление вопросов развития в эпоху тревог*¹⁷ одной из основных тем будет выступать «глобальный Юг и его поиски долгосрочного финансирования развития». Отмечается возникновение новых возможностей, позволяющих странам глобального Юга¹⁷ по-новому формулировать свои потребности и приоритеты¹⁸.

Исследуемое понятие также можно встретить в документах регионального уровня. Например, оно присутствует в итоговых документах международного объединения БРИКС, в частности в Йоханнесбургской декларации-II «БРИКС и Африка: партнёрство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности» (Йоханнесбург, ЮАР, 23.08.2023) и Казанской декларации «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности» (Казань, РФ, 23.10.2024). В Йоханнесбургской декларации-II дважды упоминается рассматриваемая концепция: в контексте интеграции её роли в повестку дня

G20 в 2023, 2024 и 2025 гг. (п. 30), а также заинтересованности государств в присоединении к БРИКС (п. 90).

В Казанской декларации понятие «Глобальный Юг» звучит шесть раз: «БРИКС и Глобальный Юг: совместное строительство лучшего мира» (девиз в п. 4); приветствуется интерес стран Глобального Юга к БРИКС и вводится категория стран-партнёров БРИКС (п. 5); к механизмам Глобального Юга относят Новый банк развития (НБР) (п. 62). Отметим, что наряду с этим всё ещё используется и старая устоявшаяся терминология — *развивающиеся страны, государства с формирующимся рынком*. П. 14 корреспондирует цели, объявленной в п. 30 упомянутой Йоханнесбургской декларации-II. В п. 117 к одной из стран Глобального Юга относят Бразилию. Исходя из п. 131 можно предположить, что, как минимум, к странам Глобального Юга относятся страны, входящие в международное объединение БРИКС (БРИКС+).

Как видим, не только концепт, но и денотат понятия «страны Глобального Юга» находится в развитии. В данном случае важно подчеркнуть, что множество, описываемое данным понятием (то есть его денотат), напрямую зависит от содержания (концепта). Свой вклад в научно обоснованную трактовку этого содержания вносит юридическая практика, тесно связанная с юридической наукой.

Так какие же страны следует относить к странам Глобального Юга?

Кого и на каких основаниях следует относить к рассматриваемому феномену — всё ещё открытый вопрос, поскольку нет единого подхода даже в рамках системы ООН как универсальной международной организации. Например, Организация женщин в науке для развивающихся стран при

¹⁶ Написание сохранено согласно документу.

¹⁷ Написание сохранено согласно документу.

¹⁸ TD/B/EX(77)/1 // Электронная библиотека документов ООН. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g24/216/22/pdf/g2421622.pdf>

¹⁹ Countries in the Global South // OWSD. URL: <https://owsd.net/sites/default/files/OWSD%20138%20Countries%20-%20Global%20South.pdf>

ЮНЕСКО насчитывает 137 стран по 4 регионам: Африка, Азия и Океания, Арабский регион, Латинская Америка и Карибский бассейн¹⁹. В Справочнике КТУ ООН 2022 г. обозначены только регионы: Азия, Африка, Латинская Америка и Карибский бассейн, Ближний Восток и Северная Африка. В документах SSC также упоминается региональная специфика: Арабский регион, Восточная Европа и Восточное Средиземноморье, Азия и Тихоокеанский регион, Латинская Америка и Карибский бассейн, а также Африка, как указано в Новых направлениях технического сотрудничества среди развивающихся стран, — документе, принятом на 9-ой сессии Высокого комитета по пересмотру технического сотрудничества между развивающимися странами 30.05–02.06.1995²⁰).

В Докладе ПРООН 2004 г. встречаются оба термина — и «Юг», и «Глобальный Юг», используемые как синонимы. Этот документ относит к данному концепту следующие страны:

— *Африка*: Ангола, Бенин, Ботсвана, Буркина Фасо, Бурунди, Камерун, Капе Верде, Центральная Африканская Республика, Чад, Коморские острова, Конго, Демократическая Республика Конго, Джибути, Экваториальная Гвинея, Кот-д'Ивуара, Эритрея, Эфиопия, Габон, Гамбия, Чана, Гвинея, Гвинея-Биссау, Кения, Лесото, Либерия, Мадагаскар, Руанда, Мали, Малави, Мавритания, Маврикий, Мозамбик, Намибия, Нигерия, Нигер, Сенегал, Сьерра-Леоне, Сейшелы, Сомали, Южная Африка, Свазиленд, Того, Уганда, Объединённая Республика Танзания, Замбия, Зимбабве, Демократическая Республика Сан-Томе и Принсипи; Северная Африка: Алжир, Египет, Марокко, Судан, Тунис, Арабская Джамахирия Ливия*;

— *Азия*: Афганистан, Бутан, Бангладеш, Бруней Даруссалам, Камбоджа, КНДР, КНР, Индия, Индонезия, Лаос, Малайзия, Вьетнам, Шри Ланка, Таиланд, Монголия, Республика Корея, Мальдивы, Непал, Пакистан, Филиппины, Сингапур, Восточный Тимор, Мьянма; Центральная Азия: Армения, Азербайджан, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан; Западная Азия: Бахрейн, Кипр, Иран, Ирак, Иордания, Кувейт, Ливан, Катар, Оман, Королевство Саудовская Аравия, Сирийская Арабская Республика, Турция, ОАЭ, Йемен; Океанские острова: Микронезия, Фиджи, Кирибати, Науру, Палау, Папуа Новая Гвинея, Самоа, Тувалу, Вануату, Маршаллы острова, Соломоновы острова;

— *Латинская Америка*: Аргентина, Боливия, Бразилия, Чили, Куба, Колумбия, Коста Рика, Эквадор, Уругвай, Венесуэла, Перу, Панама, Мексика, Сальвадор, Гватемала, Гондурас, Никарагуа, Парагвай, Доминиканская Республика / *Кабиры*: Тринидад и Тобаго, Багамы, Гаити, Ямайка, Суринам, Барбадос, Антигуа и Барбуда, Белизе, Доминика, Гренада, Гуана, Сент-Китс и Невис, Сент-Люсия, Сент-Винсент и Гренадины.

Анализ документов ООН и её специализированных учреждений позволяет заключить, что «персональный состав» стран Глобального Юга продолжает оставаться дискуссионным. Например, в Докладе секретаря Рамочной конвенции ВОЗ по борьбе против табака 2010 г.²¹ к странам «Юга» отнесены страны БРИКС. Европейские и северные страны, а также Япония, причисляются к «Северу». Эта ситуация продолжает линию научных споров, в которых подчёркивается: есть «южане» на географическом севере и «северяне» на географическом юге [Mahler, 2018].

²⁰ New directions for technical cooperation among developing countries // SSC. URL: <https://unsouthsouth.org/wp-content/uploads/2023/08/New-Directions-for-Technical-Cooperation-among-Developing-Countries-1995.pdf>

²¹ Доклад секретаря Рамочной конвенции ВОЗ по борьбе против табака от 15.08.2010. URL: https://apps.who.int/gb/fctc/PDF/cop4/FCTC_COP4_18-ru.pdf

**Колониальные, неоколониальные
и деколониальные мотивы
концептуализации понятия
«страны Глобального Юга»
на современном этапе**

Однако вернёмся к теме исходной амбивалентности понятия «(страны) Глобального Юга», выделив заложенную в нём семантику оценочности. Опираясь на идеи перуанского социолога Анибала Кихано о «колониальности власти», акцентирующее присутствие наследия колониализма в современной культуре и политике, обратимся к интерпретации Юга как региона «отличительного интеллектуального производства». Этот подход развёрнуто представлен в работе «Знание Юга» (исп. «Conocer desde el Sur») Боавентуры де Соуза Сантоса, а также в «южной теории» Рэйвин Коннелл. Новая интерпретация Юга как культуры Другого, — «второе пространство» [Borch, 2002] культурной самобытности, которое неправомерно и даже бессмысленно сравнивать по степени развития с «Севером», — предлагается рассматривать как «идейное объединение, нашедшее выражение в множестве (суб-)региональных союзов, объединений и организаций, а также органов и проектов, включающих не только ЮНКТАД, SSC и G77. К таковым можно отнести, например, БРИКС (как участников, так и партнёров по диалогу: Беларусь, Боливия, Таиланд, Казахстан, Куба, Уганда, Узбекистан, Индонезия, Малайзия), а также так называемых «Следующих 14» (англ. «Next 14»), к которым относят Аргентину, Бразилию, Чили, Мексику, Индонезию, Малайзию, Южную Корею, Тайвань²², Таиланд, Турцию, Египет и Южную Африку [Gray, Gills, 2016]. Эти «южные теории» по сути представляют собой противовес так называемому северному универсализму

[Кисленко, 2022], акцентируя внимание на ценности Другого, которая в свою очередь базируется на теориях культурного разнообразия и экологии культуры.

В то же время, опираясь на тезис о «трёхмирии» (англ. «Third-Worldism»), продвигаемый рядом лидеров постколониальных стран, «Юг» означает социально построенное воображение транснационального сообщества, которое настаивает на том, что оно способно бросить вызов голосам, доминирующим сегодня в мировой политике, пытаясь при этом сформулировать альтернативные сценарии взаимодействия. В частности, G77, основываясь на предположении о «общности интересов, которыми обладают все бывшие колониальные государства», оказала особое влияние на ход дебатов по вопросам, связанным с развитием, на заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН.

Однако в большинстве постколониальных исследований так называемый «Юг» продолжает рассматриваться как феномен, определяемый тем, что некоторые группы лишены свободы, прав и/или возможностей местными и/или политическими системами. В этом контексте всё ещё встречается термин «подчинённый» (англ. «subaltern»)²³. Например, высказывание Альфреда Дж. Лопеза «оппозиционные подчинённые культуры из Африки, Центральной и Южной Америки, большей части Азии, юга США, Карибского бассейна, средиземноморской Европы» [Lopez, 2007] свидетельствует о том, что географический подтекст интерпретации «Глобального Юга» всё ещё присутствует в современных политических и политологических контекстах, хотя его уже трудно назвать главенствующим. В таких исследованиях, несмотря на их стремление преодолеть наследие колониальной и неоколониальной систем, присутствует отсылка к истории

²² Российская Федерация придерживается концепции «одного Китая».

²³ Примечательно, что данное выражение нашло своё отражение и в научной среде при обособлении группы исследований «подчинённого» положения, сформированная в конце 1970-х – начале 1980-х гг. в Англии как ревизионистская историография крестьянских движений в колониальной Индии (The Encyclopedia of Postcolonial Studies, 2016. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/book/10.1002/9781119076506>).

колониализма, неоимпериализма и дифференцированных экономических и социальных изменений, благодаря которым сохраняется значительное неравенство в уровне жизни, продолжительности жизни и доступе к ресурсам [Wa Ngugi, 2012].

То же можно сказать и о практике международных организаций, выступающих с антиколониальных позиций. Яркими представителями таких структур являются как ретроспективные (e.g., Антиимпериалистическая лига), так и ныне действующие международные организации, в частности Организация Солидарности Народов Азии, Африки и Латинской Америки. Само существование этих структур подтверждает наличие непреодоленного прошлого, диктующее самодиагностику с позиций «догоняющих» цивилизаций. Это, в свою очередь, говорит о неготовности принять культурное разнообразие как модель, не требующую позитивной дискриминации.

С позиций обсуждения терминологии ключевым маркером присутствия проблемы непреодоленного прошлого для стран, готовых отнести себя к парадигме «Глобального Юга», является их непрекращающаяся борьба с евроцентризмом и «вестоксикацией» (англ. «westoxication»), свидетельствующая в том числе о проявлениях «зависимого развития» (которое, по мнению некоторых авторов, обнаруживает себя как в Латинской Америке [Cardoso, 1977; Cardoso, Falleto, 1979], так и на Ближнем Востоке [Al-E Ahmad, 1982]).

В контексте практик идейной и организационной деколонизации нельзя не упомянуть и сотрудничество «Север-Юг», которое, как отмечают исследователи, ориентировано скорее на процесс (англ. «Process-Oriented Aid Model»), подразумевающая также определённую модель поведения и устройства государства, — в то время как парадигма «Юг-Юг» фокусируется на росте, акцентируя невмешательство во внутренние дела конкретных стран (англ. «Growth-Oriented Aid Paradigm») [Huang, 2015].

В целом, несмотря на критичность подхода ряда авторов к концепту «(страны) Глобального Юга», который они называют

«антиисторическим и деконтекстуализированным», большинство из них соглашались с тем, что его можно рассматривать как мета-категорию, отражающую важные изменения [Gray, Grills, 2016] в анализе контекста многих социально значимых изменений на международной арене. Контекстом же выступает культура в специфическом смысле этого слова, тесно связанном непосредственно с лингвокультурологическими исследованиями [Bennett, 2013].

Таким образом формируется перспектива понимания «Глобального Юга» в качестве нового культурного пространства, или «третьего пространства», где материальное (первое) и воображаемое (второе) измерения «Глобального Юга» входят в «межсубъективное фоновое понимание» (англ. «intersubjective background understandings»), формируя подвижные рамки описания акторов международных процессов развития [Haug, 2020]. Фактически каждый исследователь, обращённый к теме «Глобального Юга», сам прочерчивает границы нарождающихся и возникающих в этом контексте социальных, экономических и политических сил [Zarakol, 2019]. Внимательное отслеживание подвижности соответствующих рамочных интерпретаций и их конкретного содержательного наполнения в повседневной жизни до сих пор не позволили создать строгого термина. Тем не менее уточнение данного понятия и продолжение поиска его более строго определения имеет смысл для тех, кто участвует в практической и теоретической работе по преодолению наследия колониализма и разработке перспективных направлений взаимодействия современных культур.

Заключение

Концепт «(страны) Глобального Юга» сложился как полисемантическая категория, вбирающая в себя множество понятий, растиражированных медиа и политологами. Как правило, эти понятия фиксируют (анти-)колониальные настроения, а их использование всегда требует надлежащего обоснования выборки стран, относимых

к этой категории. Однако такое обоснование не имеет общезначимых характеристик и всегда остаётся на усмотрение исследователя. Одним из наиболее размытых и вместе с тем понятных на уровне повседневного языка критериев поначалу считался некий объединяющий дух «южной солидности» (англ. «southern solidarity»). При всей неопределённости этого критерия он тем не менее хорошо проецируется на современные представления о культурном разнообразии, отвечающем концепции многополярного мира. Именно это обеспечивает научную и практическую пользу употребления понятия «(страны) Глобального Юга» в рамках стратегии развития отношений Российской Федерации с «незападными» странами и партнёрами, представляющими «другой Запад».

В ходе нашего исследования выявлено, что отсутствие единого подхода к понятию «(страны) Глобального Юга» к настоящему времени обусловлено многовекторностью международного взаимодействия, которое отражается в данном понятии в измерениях экономики («догоняющее развитие», «развивающиеся страны», «третий мир» и т.д.), политологии (преодоление колониального наследия и борьба с «лингвистическим империализмом»), юридических документов (где феномен Глобального Юга предполагает точное установление стран, которые могут быть отнесены к данной группе государств по тем или иным — но всегда конкретным — основаниям).

При этом анализ соответствующих документов показал, что страновой состав Глобального Юга варьируется от 77 до 137 государств. Фактически на данном этапе есть лишь условное согласие в части его регионального охвата: Азия (за исключением отдельных государств — Японии, Южной Кореи, Израиля²⁴), Ближний Восток (арабский мир), Африка, Латинская Америка и Карибский бассейн, а также — иногда — Океания (не включая Новую Зеландию и Австралию).

Сегодня наиболее перспективными с нашей точки зрения можно считать попытки междисциплинарного синтеза, учитывающие осцилляцию концепта и денотата понятия «(страны) Глобального Юга» вокруг стремления изжить (пост-)колониальное наследие. Такой подход учитывает ограниченность определений *ad hoc* и вместе с тем предполагает, что учёт культурной специфики (в том числе, методами лингвокультурологии) позволяет всякий раз находить профессиональный консенсус, который безусловно необходим как при составлении документов, так и при использовании концепта «(страны) Глобального Юга» в специализированных дискурсах экономики, политики и права, повседневном языке медиа или требующем терминологической чёткости (и в данном случае не обретающем её) языке науки. Возможно, взаимная диффузия этих языков со временем сделает обретение инвариантного ядра данного понятия достижимым.

Список литературы:

- Кисленко И. Ю. Южная теория: существует ли социология за пределами западного канона? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2022. — № 1. — С. 226–244. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.1.1795>
- Растольцев С. В. «Глобальный Юг»: происхождение и эволюция термина // Глобальный Юг» в полицентричном миропорядке (Мировое развитие. Выпуск 19). — Москва: ИМЭМО РАН, 2018. — С. 5–10. <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0547-5>
- Рекош К. Х. К вопросу о праве в языке // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2023. — № 11. — С. 27–37. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2023.111.11.027-037>
- Рекош К. Х. Концептуализация правового дискурса на пути к нормативности // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. — 2016. — № 1. — С. 20–25.

²⁴ В российской дипломатической мысли и с географической позиции Израиль традиционно относят к Ближнему и Среднему Востоку, однако в данном случае указание основывается на изученных документах.

Смирнов А. В. Логика смысла: Теория и её приложение к анализу классической арабской философии и культуры. — Москва: Языки славянской культуры, 2001. — 504 с.

Смирнов А. В. Философия перевода и перевод философии // Философский журнал. — 2012. — № 1. — С. 40–58.

Яковенко А. В. Картина нарождающегося мира: Глобальный Юг // Проблемы национальной стратегии. — 2024. — № 1 (82). — С. 42–57. https://doi.org/10.52311/2079-3359_2024_1_42

Al-E Ahmad J. Gharbzadegi [Weststruckness]. — Lexington: Mazda Publishers, 1982. — 188 p.

Bennett M. J. Basic Concepts of Intercultural Communication: Paradigms, Principles, and Practices: Selected readings. — Boston-London: Nicklas Brealey Publishing, 2013. — 772 p.

Borch C. Interview with Edward W. Soja: Thirdspace, Postmetropolis, and Social Theory // Distinktion: Journal of Social Theory. — 2002. — Vol. 3, No 1. — P. 113–120. <https://doi.org/10.1080/1600910X.2002.9672816>

Cardoso F. H., Faletto E. Dependency and Development in Latin America. — Los Angeles, CA: University of California Press, 1979. — 227 p.

Cardoso F. The Consumption of Dependency Theory in the United States // Latin American Research Review. — 1977. — Vol. 12, No 3. — P. 7–24.

Dados N., Connell R. The Global South // Contexts. — 2012. — Vol. 11, No 1. — P. 12–13. <https://doi.org/10.1177/1536504212436479>

Forum: Navigating the Global South Landscape: Insights and Implications for Representation and Inclusion in ISA Journals / F.H. Chagas-Bastos, E. Resende, F. Ghosn, D. Lisle // International Studies Perspectives. — 2023. — Vol. 24, No 4. — P. 441–466. <https://doi.org/10.1093/isp/ekad010>

Friedman T. L. The World is Flat: A Brief History of the Twenty-first Century. — New York: Farrar, Straus and Giroux, 2005. — 496 p.

Gramsci A. La questione meridionale. — Roma: Editori Riuniti, 1966. — 159 p.

Gray K., Gills B. K. South–South cooperation and the rise of the Global South // Third World Quarterly. — 2016. — Vol. 37, No 4. — P. 557–574. <https://doi.org/10.1080/01436597.2015.1128817>

Haug S. A Thirdspace Approach to the ‘Global South’: Insights from the Margins of a Popular Category // Third World Quarterly. — 2020. — Vol. 42, No 9. — P. 2018–2038. <https://doi.org/10.1080/01436597.2020.1712999>

Haug S., Braveboy-Wagner J., Maihold G. The ‘Global South’ in the study of world politics: examining a meta category // Third World Quarterly. — 2021. — Vol. 42, No 9. — P. 1923–1944. <https://doi.org/10.1080/01436597.2021.1948831>

Huang M. South-South Cooperation, North-South Aid and the Prospect of International Aid Architecture // Vestnik RUDN. International Relations. — 2015. — № 1. — P. 24–31.

Jørgensen K. Continental IR Theory: The Best Kept Secret // European Journal of International Relations. — 2000. — Vol. 6, No 1. — P. 9–42. <https://doi.org/10.1177/1354066100006001002>

Korany B. End of history, or its continuation and accentuation? The global South and the New Transformation literature // Third World Quarterly. — 1994. — Vol. 15, No 1. — P. 7–15. <https://doi.org/10.1080/01436599408420360>

Korany B. How Foreign Policy Decisions Are Made in the Third World: A Comparative Analysis. — New York: Routledge, 1986. — 232 p. <https://doi.org/10.4324/9780429038228>

Korany B. Social Change, Charisma and International Behavior? — Leiden: Sijhoff, 1976. — 460 p.

Kornprobst M., Senn M. Introduction: Background Ideas in International Relations // The British Journal of Politics and International Relations. — 2016. — Vol. 18, No 2. — P. 273–281. <https://doi.org/10.1177/1369148115613663>

Lopez A. Introduction: The (Post) Global South // The Global South. — 2007. — Vol. 1, No 1. — P. 1–11.

Mahler A. G. From the Tricontinental to the Global South: Race, Radicalism, and Transnational Solidarity. — Durham: Duke University Press, 2018. — 360 p.

Nossal K. Tales that Textbooks Tell: Ethnocentricity and Diversity in American Introductions to International Relations // International Relations – Still an American Social Science? Toward Diversity in International Thought. — Albany: State University of New York Press, 2001. — P. 167–186.

- Prebisch R. Capitalismo periférico: crisis y transformación. — México: Fondo de Cultura Económica, 1981. — 344 p.
- Rigg J. An Everyday Geography of the Global South. — London: Routledge, 2007. — 264 p. <https://doi.org/10.4324/9780203967577>
- Said W. E. Orientalism. — New York: Pantheon Books, 1978. — 368 p.
- Solarz M. W. 'Third World': the 60th anniversary of a concept that changed history // *Third World Quarterly*. — 2012. — Vol. 33, No 9. — P. 1561–1573. <https://doi.org/10.1080/01436597.2012.720828>
- Solarz M. W. North — South, Commemorating the First Brandt Report: searching for the contemporary spatial picture of the global rift // *Third World Quarterly*. — 2012. — Vol. 33, No 3. — P. 559–569. <https://doi.org/10.1080/01436597.2012.657493>
- Spivak G. K. Can the Subaltern Speak? // *Colonial Discourse and Post-Colonial Theory A Reader*. — London: Routledge, 1994. — 46 p. <https://doi.org/10.4324/9781315656496>
- Taylor I. Global South // *International Organization and Global Governance*. — London: Routledge, 2013. — 13 p. <https://doi.org/10.4324/9780203795972>
- Wa Ngugi M. Rethinking the Global South // *Journal of Contemporary Thought*. — 2012. — No 35. — P. 5–10.
- Wagner P. 1 Finding One's Way in Global Social Space // *The Moral Mappings of South and North* / ed. by Peter Wagner. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017. — P. 1–17. <https://doi.org/10.1515/9781474423267-004>
- Wallerstein I. The Rise and Future Demise of the World Capitalist System: Concepts for Comparative analysis // *Comparative Studies in Society and History*. — 1974. — Vol. 16, No 4. — P. 387–415. <https://doi.org/10.1017/S0010417500007520>
- Zarakol A. 'Rise of the Rest': As Hype and Reality // *International Relations*. — 2019. — Vol. 33, No 2. — P. 213–228. <https://doi.org/10.1177/0047117819840793>

References:

- Al- E Ahmad, J. (1982) *Gharbzadegi* [Weststruckness]. Lexington: Mazda Publishers.
- Bennett, M. J. (2013) *Basic Concepts of Intercultural Communication: Paradigms, Principles, and Practices: Selected readings*. Boston-London: Nicklas Brealey Publishing.
- Borch, C. (2002) 'Interview with Edward W. Soja: Thirdspace, Postmetropolis, and Social Theory', *Distinktion: Journal of Social Theory*, 3(1), pp. 113–120. <https://doi.org/10.1080/1600910X.2002.9672816>
- Cardoso F. (1977) 'The Consumption of Dependency Theory in the United States', *Latin American Research Review*, 12(3), pp. 7–24.
- Cardoso, F. H., Faletto, E. (1979) *Dependency and Development in Latin America*. Los Angeles: University of California Press.
- Chagas-Bastos, F. H. et al. (2023) 'Forum: Navigating the Global South Landscape: Insights and Implications for Representation and Inclusion in ISA Journals', *International Studies Perspectives*, 24(4), pp. 441–466. <https://doi.org/10.1093/isp/ekad010>
- Dados, N., Connell, R. (2012) 'The Global South', *Contexts*, 2012, 11(1), pp. 12–13. <https://doi.org/10.1177/1536504212436479>
- Friedman, T. L. (2005) *The World is Flat: A Brief History of the Twenty-first Century*. New York: Farrar, Straus and Giroux.
- Gramsci, A. (1966) *La questione meridionale*. Roma: Editori Riuniti.
- Gray, K., and Gills, B. K. (2016) 'South–South cooperation and the rise of the Global South', *Third World Quarterly*, 37(4), pp. 557–574. <https://doi.org/10.1080/01436597.2015.1128817>
- Haug, S. (2020) 'A Thirdspace Approach to the 'Global South': Insights from the Margins of a Popular Category', *Third World Quarterly*, 42(9), pp. 2018–2038. <https://doi.org/10.1080/01436597.2020.1712999>
- Haug, S., Braveboy-Wagner, J. and Maihold, G. (2021) 'The 'Global South' in the study of world politics: examining a meta category', *Third World Quarterly*, 42(9), pp. 1923–1944. <https://doi.org/10.1080/01436597.2021.1948831>

- Huang, M. (2015) 'South-South Cooperation, North-South Aid and the Prospect of International Aid Architecture', *Vestnik RUDN. International Relations*, 1, pp. 24–31.
- Jørgensen, K. (2000) 'Continental IR Theory: The Best Kept Secret', *European Journal of International Relations*, 6(1), pp. 9–42. <https://doi.org/10.1177/1354066100006001002>
- Kislenko, I. Ju. (2022) 'Southern Theory: Does Sociology Exist Outside the Western Canon?', *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (1), pp. 226–244. (In Russian). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.1.1795>
- Korany, B. (1976) *Social Change, Charisma and International Behavior?* Leiden: Sijhoff.
- Korany, B. (1986) *How Foreign Policy Decisions Are Made in the Third World: A Comparative Analysis*. New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429038228>
- Korany, B. (1994) 'End of history, or its continuation and accentuation? The global South and the 'new transformation' literature', *Third World Quarterly*, 15(1), pp. 7–15. <https://doi.org/10.1080/01436599408420360>
- Kornprobst, M., and Senn, M. (2016) 'Introduction: Background Ideas in International Relations', *The British Journal of Politics and International Relations*, 18(2), pp. 273–281. <https://doi.org/10.1177/1369148115613663>
- Lopez, A. (2007). 'Introduction: The (Post) Global South', *The Global South*, 1 (1), pp. 1–11.
- Mahler, A. G. (2018). *From the Tricontinental to the Global South: Race, Radicalism, and Transnational Solidarity*. Durham: Duke University Press.
- Nossal, K. (2001) 'Tales that Textbooks Tell: Ethnocentricity and Diversity in American Introductions to International Relations', in *International Relations – Still an American Social Science? Toward Diversity in International Thought*. Albany: State University of New York Press, pp. 167–186.
- Prebisch, R. (1981) *Capitalismo periférico: crisis y transformación*. México: Fondo de Cultura Económica.
- Rastoltsev, S. (2018). "'Global South": origin and evolution of the notion', *Global South in the Polycentric World (Global Development, iss. 19)*. Moscow: IMEMO Publ., pp. 5–10. (In Russian). <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0547-5>
- Rekosh K. (2016). 'Conceptualization of legal discourse towards normativity', *RSUH/RGGU bulletin. Series Economics. Management. Law*, (1), pp. 20–25 (In Russian).
- Rekosh K. Kh. (2023) 'Raising the Question of Law in Language', *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, (11), pp. 27–37 (In Russian). <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2023.111.11.027-037>
- Rigg, J. (2007) *An Everyday Geography of the Global South*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203967577>
- Said W. E. (1978). *Orientalism*. New York: Pantheon Books.
- Smirnov A. V. (2012) 'Philosophy of translation and translation of philosophy', *Philosophy journal*, 1, pp. 40–58 (In Russian).
- Smirnov, A. V. (2001) *Logika smysla: Teorija i ejo prilozhenie k analizu klassicheskoj arabskoj filosofii i kul'tury* [Logic of meaning: Theory and its application to the analysis of classical Arabic philosophy and culture]. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ. (In Russian).
- Solarz, M. W. (2012) 'Third World': the 60th anniversary of a concept that changed history', *Third World Quarterly*, 33(9), pp. 1561–1573. <https://doi.org/10.1080/01436597.2012.720828>
- Solarz, M. W. (2012) 'North — South, Commemorating the First Brandt Report: searching for the contemporary spatial picture of the global rift', *Third World Quarterly*, 33(3), pp. 559–569. <https://doi.org/10.1080/01436597.2012.657493>
- Spivak, G. K. (1994) 'Can the Subaltern Speak?', in *Colonial Discourse and Post-Colonial Theory A Reader*. London: Routledge, 46 p. <https://doi.org/10.4324/9781315656496>
- Taylor, I. (2013). 'Global South', in *International Organization and Global Governance*. London: Routledge, 13 p. <https://doi.org/10.4324/9780203795972>
- Wa Ngugi, M. (2012). 'Rethinking the Global South', *Journal of Contemporary Thought*, (35), pp. 5–10.
- Wagner, P. (2017) '1 Finding One's Way in Global Social Space', in *The Moral Mappings of South and North*. Edinburgh: Edinburgh University Press, pp. 1–17. <https://doi.org/10.1515/9781474423267-004>

Wallerstein, I. (1974) 'The Rise and Future Demise of the World Capitalist System: Concepts for Comparative Analysis', *Comparative Studies in Society and History*, 16(4), pp. 387–415. <https://doi.org/10.1017/S0010417500007520>

Yakovenko, A. V. (2024). 'A Sketch of the Emerging World: the Global South', *Problemy nacional'noj strategii*, (1), pp. 42–57 (In Russian). https://doi.org/10.52311/2079-3359_2024_1_42

Zarakol, A. (2019). "Rise of the Rest": As Hype and Reality', *International Relations*, 33(2), pp. 213–228. <https://doi.org/10.1177/0047117819840793>

Информация об авторе

Алёна Дмитриевна Цыплакова — преподаватель кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия)

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Alyona D. Tsyplakova — Lecturer, Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia)

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 12.04.2025; одобрена после рецензирования 30.05.2025; принята к публикации 13.06.2025.

The article was submitted 12.04.2025; approved after reviewing 30.05.2025; accepted for publication 13.06.2025.